

§5 НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Бочарников И.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции эволюции международного терроризма в современных условиях. Цель настоящего исследования – международный терроризм. Объект исследования – определить современные тенденции развития международного терроризма и формы и методы борьбы с ним на современном этапе. Предмет исследования – тенденции развития, а также формы и методы противодействия международному терроризму в современном мире. На основе данных, представленных в «Глобальном рейтинге терроризма 2015 года», разработанного британскими аналитиками, а также анализа других терактов, не вошедших в рейтинг, определяется динамика роста террористических актов в настоящее время и в ближайшей перспективе. Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. В значительной мере возрастанию количества терактов и их масштабности способствуют проявившиеся тенденции развития терроризма. Таковыми в частности являются: переход от осуществления отдельных террористических актов к масштабным акциям; кардинальные изменения насильственно-устрашающих средств, реализуемых в процессе осуществления террористических акций; использование террористическими группировками передовых информационных технологий; координации деятельности различных террористических группировок; стремление к легитимации террора, посредством позиционирования террористических структур в качестве государственно-организованных образований. Эти и другие тенденции способствуют трансформации международного терроризма в глобальную проблему современных мировых политических процессов.

Ключевые слова: политическая система, Россия, мировая политика, внешняя политика США, международные отношения, дипломатия, интересы, государство, безопасность, риски.

Abstract. *The article analyzes the main trends of the evolution of international terrorism in the modern world. The goal of this study is international terrorism. The object of research is to determine the current trends of international terrorism and the forms and methods of counteracting them at the present stage. The subject of research are development trends, as well as forms and methods of combating international terrorism in the modern world. Based on the data presented in the «global ranking of terrorism 2015» developed by British analysts, as well as the analysis of other terrorist acts that are not included in the rating, the author determines the dynamics of the growth of terrorism in the present and in the near future. The methodological basis of this study includes the systemic, structural-functional, comparative-political approaches, the methods of analysis, synthesis, induction, deduction, observation. The increase in the number of terrorist attacks and their scale largely contributes to the tendency of the development of terrorism. For example, the transition from the implementation of the individual terrorist acts to large-scale acts; dramatic change in the violent, intimidating means employed by terrorists; the use of advanced information technologies by terrorist groups; coordination between the various terrorist groups; the desire for legitimation of terrorism, terrorist organizations by positioning as a state-organized bodies. Such trends contribute to the transformation of international terrorism to the global problems of modern global political processes.*

Key words: *political system, Russia, world politics, U.S. foreign policies, international relations, diplomacy, interests, state, security, risks.*

События последнего времени наглядно свидетельствуют о том, что терроризм стал одним из наиболее значимых явлений современной политической реальности, определяющих характер, содержание и динамику развития политических процессов, в которые вовлечены все ведущие мировые акторы. При этом очевидно не только увеличение числа терактов, но и их жертв.

Это подтверждают и данные исследования, нашедшие отражение в «Глобальном рейтинге терроризма 2015 года», составленном Британским Институтом экономики и мира. Исследование основано на информации из глобальной базы данных терроризма Национального консорциума по изучению терроризма при Университете штата Мэриленд – крупнейшей в мире статистической базы о террористической деятельности, содержащей информацию о более чем 100 тысячах случаев террористических актов. Согласно данным исследования в период с 2000 года по 2014 год в результате только 61 тыс. террористических акций погибло более 140 тыс. человек [11].

Как следует из представленного анализа, террористическая акция «911» стало кульминационной в эволюции терроризма, преобразовании его в глобальную проблему современности.

Во многом этому способствовало вторжение США в Афганистан в 2001 году и Ирак в 2003 году, осуществленные под благовидным предлогом борьбы с международным терроризмом. Цели эти не только не были достигнуты, но и напротив, стимулировали дальнейшую

эволюцию терроризма и преобразование его в глобальную проблему современности. И это наглядно отражает динамика террористической угрозы, представленная в исследовании британских ученых.

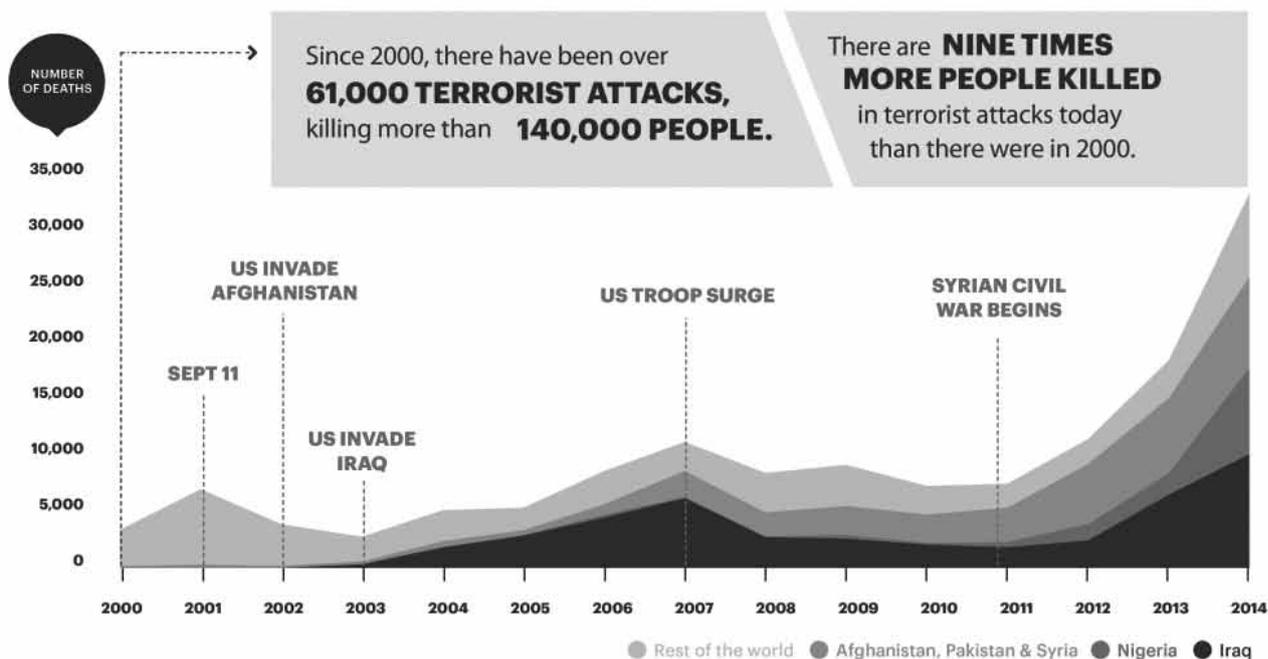
Как показывают результаты исследования, начиная с 11 сентября 2001 года, число террористических актов с каждым годом увеличивалось, достигнув своего пика, увеличившись в 4 раза, в 2007 году, в разгар военного конфликта в Ираке.

В 2008 – 2012 годах показатели террористической активности несколько снизились, однако, начиная с 2013 года, вновь отмечен значительный рост терроризма. По мнению британских аналитиков, это произошло, прежде всего, из-за массового нашествия военизированных групп радикальных исламистов и их объединений, охватившего территории ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки [11]. За этой несколько туманной формулировкой лежит признание того факта, что эскалации террористической угрозы в значительной степени способствовали ход и результаты так называемой «арабской весны».

Туманность же формулировки определяется нежеланием признания ответственности США и их союзников, как европейских, так и ближневосточных (Катар и Саудовская Аравия) за развитие ситуации в регионе, в том числе за события так называемой «арабской весны».

Между тем, именно с ее началом, непосредственно после протестных акций в тунисском

Динамика развития террористической угрозы за период с 2000 по 2014 годы

городе Мензел Бузайен 24 декабря 2010 года начинается новый, современный этап развития терроризма, характеризующийся ростом террористических актов и увеличением их жертв.

И, если жертвами «жасминовой» революции в Тунисе стали, по данным ООН, 219 человек [6], то в Египте число жертв, как самой революции (февраль 2011 года), так и отстранения от власти пришедших к власти представителей радикальной исламистской организации «Братья – мусульмане» в 2013 году, составило более 1,5 тыс. человек.

При этом, как в Тунисе, так и в Египте постреволюционный терроризм обрел характер системного явления. В 2015 году в Тунисе произошло три масштабных теракта в основном в отношении иностранцев, жертвами которых стали 71 человек. Что касается, Египта, то, как показывает ситуации, данная страна в настоящее время относится к одной из наиболее уязвимых в плане террористической угрозы, от которой не застрахованы ни ее граждане, ни посещающие страну иностранные туристы.

Все это подтверждает справедливость утверждения о том, что революционные потрясения неизбежно влекут за собой эскалацию насилия и непосредственно терроризма.

По настоящему эпидемия терроризма вернулась в ходе свержения авторитарного режима одного из наиболее благополучных в

социально-экономическом плане государств арабского мира – Ливии, а также последующей эскалации насилия на территории этой страны со стороны различных революционных группировок.

Непосредственно жертвы ливийской революции, инспирированной извне, и трансформировавшейся в последующем в гражданскую войну с активным участием в ней натовской коалиции под эгидой Франции и Великобритании только по состоянию на конец августа 2011 года составили более 50 тыс. человек [5].

Стране был нанесен большой экономический ущерб. Результатом войны стало уничтожение ливийской государственности. Прямым следствием конфликта стал фактический развал страны. Также последствием гражданской войны стала дестабилизация в некоторых других странах региона. В частности, воевавшие за М. Каддафи туареги, подняли восстание в Мали и взяли под контроль весь север страны. Из самой Ливии в европейские страны, поддержавшие вооруженный переворот, хлынул поток беженцев.

Это наиболее очевидные результаты продвижения и насаждения евроатлантической демократии в Ливии. И очевидно, что сам факт того, что Ливия в настоящее время стала одним из эпицентров терроризма, безусловно, является следствием активного вмешательства западноев-

ропейского сообщества в ее внутренние дела и поддержавшего мятежников.

Само по себе убийство главы государства М. Каддафи, осуществленное при непосредственной поддержке стран западной коалиции, безусловно, далеко не новая страница в истории террора – устранение политических лидеров под благовидным предлогом (в данном случае под лозунгами продвижения ценностей западной демократии).

На самом же деле, как следует из опубликованной в США переписки экс-госсекретаря Х. Клинтон со своими соратниками по ливийскому кризису [8], вина М. Каддафи заключалась в проводимой им политике обеспечения социального благополучия населения страны, а также наличия значительных финансовых ресурсов, позволившем даже финансировать президентскую избирательную кампанию во Франции [2].

Обращает на себя внимание циничность действий «демократической» коалиции в лице представителей Великобритании и Франции до последнего поддерживавших контакты, как с мятежниками, так и с М. Каддафи. По сути дела имел место откровенный торг по принципу «ничего личного – это бизнес».

Жестокое убийство М. Каддафи стало следствием того, что он не покинул страну, как это сделал бывший тунисский президент З. Бен-Али и не сдался на милость революционерам, как экс-президент Египта Х. Мубарак. Этому ему не смогли простить ни мятежники, ни их кураторы.

Восхищенное же восклицание госсекретаря США Х. Клинтон при просмотре кадров убийство ливийского лидера выявило заказчиков этой по сути дела террористической акции.

Логическим же продолжением развития революционного террора в Ливии стало убийство американского посла К. Стивенса, совершенное в октябре 2012 года. Именно таким образом, ливийские революционеры воздали должное силам и структурам, способствовавшим их победе над режимом М. Каддафи.

Ритуальное же убийство М. Каддафи должно было стать знаком для лидеров других государств о том, что их ждет, если они посмеют стоять на пути революционных преобразований «арабской весны» и, что еще более значимо проводить суверенную, а не проамериканскую политику.

Неслучайно, именно в этот период начинается искусственная эскалация напряженности

в самой Сирии – одном из ведущих государств арабского мира, также посмеяшем быть достаточно благополучным в социально-экономическом отношении и проводить суверенную внешнюю политику.

Важнейшим же результатом революций цикла «арабской весны» в Тунисе, Египте, а затем и в Ливии стало то, что были созданы предпосылки для всплеска терроризма на обширном политическом пространстве от Пакистана до Испании.

И едва ли случайным стало обретение в этот период своего потенциала «ИГИЛ» – террористической группировки, заявившей не только о своем существовании, но и претензиях на участие в переустройстве политического пространства как Ближневосточного, так и сопредельных ему Североафриканского и Центрально-азиатского регионов.

Как следует из «Глобального рейтинга терроризма», 2014 год стал кульминационным в его развитии. Количество совершенных в течение года терактов и, соответственно, их жертв, превысило аналогичные показатели 2000 года более чем в 9 раз: 32 658 человек в 2014 году, тогда как в 2000 году таковых было 3 329 человек [11].

Характерной особенностью терроризма этого периода стало постепенное расширение его географии. В 2014 году теракты произошли в 95 странах. Как отмечается в «Глобальном рейтинге терроризма», высочайшая же террористическая активность была сконцентрирована в пяти государствах: Ираке, Нигерии, Афганистане, Пакистане и Сирии. В общей сложности в этих странах количество жертв составило порядка 78% от общей численности погибших от терактов. Они же возглавляют и рейтинг терроризма. В первую десятку стран попали также Индия, Йемен, Сомали, Ливия и Таиланд. Экономический ущерб от терроризма в 2014 году, по оценкам составителей доклада, достиг высочайшего уровня в 2014 году, составив \$52,9 млрд. [11]

Что же касается самых крупных террористических организаций в мире, то в 2014 году больше всего человек погибли от рук боевиков из нигерийской организации «Боко харам» – 6 тыс. 644, что на 317% больше, чем годом ранее. На руках экстремистов из террористической организации «Исламское государство», поставивших себе целью создание халифата на Ближнем Востоке, кровь 6 тыс. 73 человек, погибших в терактах. В то же время, как говорится в документе, «ИГ», ведущая бои за захват и удержание

территории на севере Ирака и Сирии, ответственна за гибель, как минимум, 20 тыс. человек на поле боя.

Особенностью 2014 года стало то, что список стран с высоким уровнем террористической угрозы пополнила Украина.

Основанием для этого стали два наиболее резонансных террористических акта: сожжение 2 мая в одесском Доме Профсоюзов украинскими националистами противников киевского режима, а также сбитый над территорией Донецкой Народной Республики авиалайнер с 298 пассажирами на борту 17 июля. И хотя по факту поджога Дома Профсоюзов имеется достаточно свидетельств относительно организаторов и непосредственных участников этого теракта, его объективного расследования так и не произошло. Напротив, в качестве обвиняемых оказались те, кого и пытались уничтожить украинские ультранационалисты. В то же время, при отсутствии каких-либо доказательств причастности ополченцев ДНР к трагедии с малазийским Боингом, именно и они были объявлены виновными в этой акции. Все это свидетельствует о предвзятости и конъюнктурности международных структур в оценке конкретных террористических актов, что, безусловно, не способствует эффективности реализации политики противодействия терроризму.

Тенденция увеличения количества терактов и их жертв сохранилась и в 2015 году, начавшегося с серии терактов в Нигерии (3 – 7 января), Турции (6 января), во Франции (7 – 9 января), на территории Донецкой Народной Республики (13, 22, 24 января) и в Израиле (21 января).

Помимо этого произошел ряд других масштабных терактов в Йемене, Кении, Афганистане, Ираке, Турции, Таиланде, США, Ливане. Практически еженедельно в том или ином месте Планеты происходили теракты.

Динамика терактов в 2015 году свидетельствует, что их количество по сравнению с предшествующими периодами несколько не снизилась. И хотя точных данных о количестве терактов и их жертв к настоящему времени не существует, тем не менее, по мнению экспертов, 2015 год явился столь «кровавым», как и 2014, с учетом того, что только боевиками «ИГ», были казнены более 5 тысяч мирных жителей. К категории жертв терактов должны быть отнесены и жители Донбасса, подвергавшиеся в течение года насилию и обстрелам со стороны армии и частных карательных батальонов Украины.

При этом очевидно возрастание не только количества терактов и их жертв, но и расширение их «географии».

Вследствие этого есть все основания полагать, что количество терактов и их жертв в текущем и последующем годах будут возрастать. И это является одной из наиболее значимых и очевидных тенденций развития современных политических процессов.

Таким образом, терроризм в современных условиях принимает все более масштабный характер, что дает основание предполагать дальнейшую эскалацию угрозы, в основе которой лежит описанная выше тенденция. При этом, по всей вероятности, эпицентр террористической активности будет смещаться из ближневосточного и центрально-азиатского в иные регионы и, прежде всего в благополучную Европу. И это уже продемонстрировали события новогодней ночи (2015 – 2016 годов) в ряде городов Германии, когда сотни женщин были подвержены нападениям со стороны мигрантов из стран «победившей арабской весны». Все это свидетельствует о том, что в странах Евросоюза уже накоплен взрывоопасный потенциал, который в любой момент может вызвать волну терактов. Сами же по себе нападения на женщин в Германии со стороны мигрантов могут и должны быть отнесены к категории террористических, поскольку в данном случае была достигнута главная цель террора – насаждение атмосферы страха и ужаса.

При этом важнейшая тенденция развития современного терроризма связана с **переходом от осуществления отдельных террористических актов к масштабным акциям.**

Данная тенденция проявляется в том, что происходит нападение не на конкретные цели (например, на руководителей противной стороны), а совершаются массовые убийства без разбора. Более того, в ряде случаев проявление названной тенденции обрело характер «диверсионно-террористической войны». В рамках реализации данного вида террористической деятельности широко применяются не только покушения и убийства представителей органов власти и подрывы взрывных устройств, но и методы информационно-психологического воздействия для создания атмосферы всеобщего страха, возбуждения антиправительственных настроений в обществе в целях успешной борьбы за влияние и власть.

И если ранее терроризм, как правило, был уделом нелегальных структур, пытающихся зая-

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

вить таким образом о своих устремлениях к участию в политических процессах в рамках того или иного государства, то к середине второго десятилетия XXI века терроризм, обрел настолько мощный потенциал, что посчитал возможным, образно говоря выйти «из подполья» и бросить вызов, всему мировому сообществу, его ведущим странам, заявить о своих претензиях на переустройство мира.

Данной угрозе подвержены не только страны с нестабильной внутривнутриполитической ситуацией, но и ведущие страны мирового сообщества с отлаженной системой внутренней безопасности: Россия, США, Франция, Великобритания, Китай и др.

Более того, события начавшегося 2016 года свидетельствуют о том, что терроризм постепенно становится едва ли не повседневной реальностью. Это в свою очередь способствует восприятию массовым общественным сознанием данного явления как вполне обыденного.

Очевидным проявлением данной тенденции является и **разнообразие объектов нападения террористов**. Такое разнообразие в значительной мере затрудняет возможность прогнозирования террористической угрозы для тех или иных объектов.

Высокая техническая и информационная оснащенность повышает эффективность террористических действий, затрудняет противодействие терроризму, повышает его опасность для мирового сообщества, а также для общества, государства и личности.

Террористические акции в Париже, Стамбуле, Тунисе, Индонезии, равно как и иные теракты последнего времени показали, что выбор объекта нападения – это прерогатива самих террористов и для противоположной стороны этот выбор будет всегда внезапным. Именно поэтому выбор средств терроризма также трудно предусмотреть, как и объекты терактов, поскольку к настоящему времени сама цивилизация позаботилась о развитии насильственных средств, как по качеству, так и по количеству. Важно при этом иметь в виду, что при выборе средств устрашения современные террористы все чаще используют оружие неточечного действия, от чего страдают не только объекты нападения, но и многие другие люди, оказавшиеся в сфере действия этого оружия. Одним из таких видов «оружия неточечного действия» являются «живые бомбы», то есть террористы-смертники – т.н. шахиды. Хроника терактов 2014 – 2016 годов

свидетельствует о том, что их использование в последнее время становится все более масштабным и систематическим.

Тенденцией современного развития политического терроризма являются **кардинальные изменения насильственно-устрашающих средств, реализуемых в процессе осуществления террористических акций**.

Особую значимость в этом плане обретает потенциальное использование террористами оружия массового поражения (ОМУ).

Причины усиления угрозы использования ОМУ обусловлены высокими тактико-техническими характеристиками этого оружия: высокой токсичностью химического и биологического оружия, высокой летальностью ядерного оружия. Все это, во-первых, расширяет диапазон вероятного интегрированного воздействия теракта (население, экология и окружающая среда, инфраструктура и т.д.) и, во-вторых, позволяет более реально и эффективно достигать целей терактов: создавать в обществе физический и морально-психологический хаос со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, ОМУ может быть использовано скрытно в любых масштабах и дозах и способно обеспечить в заданное время воздействие на организм. Ни население, ни государственные службы не ждут применения отравляющих веществ, а потому и не сразу обнаружат их действие. Между тем, потери в толпе от применения отравляющих веществ в закрытых помещениях могут исчисляться тысячами.

При этом, очевидно, что угроза использования террористами ОМУ едва ли может быть отнесена к разряду гипотетических в силу того, что в ходе гражданской войны в Сирии, уже имели случаи применения химического оружия, так называемой «умеренной» оппозицией [9].

Передача руководством Сирии арсеналом химического оружия под контроль ООН снизило опасность его падения в руки террористов, но не исключило данную угрозу, поскольку определенная его часть, находится на территориях контролируемых как антиасадовской оппозицией, так и «ИГ».

Оценивая угрозу применения оружия массового уничтожения в террористических актах, вполне правомерно предположить, что в перспективе наиболее серьезную угрозу будет представлять биологическое оружие. Это вытекает из относительной легкости его производства, маскировки и транспортировки, разнообразия способов приме-

нения, а также первоначальной скрытности самого факта его применения, длительности эффекта воздействия и других факторов.

Важнейшей тенденцией современного развития терроризма является использование террористическими группировками передовых информационных технологий, как с технологической точки зрения – для обмена информацией, так и для повсеместного распространения своей идеологии.

Быстрое развитие новых технологий существенно расширило возможности террористических организаций по манипулированию сознанием населения при подготовке и проведении террористических акций.

В связи с этим следует подчеркнуть такие характеристики современного терроризма:

- нацеленность на получение сильного эмоционального эффекта от своих действий в обществе. Это выражается посредством достижения состояния страха и неуверенности у атакуемого населения и стремления к одобрению и симпатиям у своих последователей;
- ориентация на распространение информации о совершённом теракте среди широкой общественности;
- атаки производятся на такие объекты, которые имеют особый символический смысл для общества;
- применение насилия террористами воспринимается в обществе (в первую очередь в развитых странах) как противоестественное, вступает в конфликт с социальными нормами и порождает в результате чувство тревоги, неуверенности и неизвестности.

Основная цель террористов состоит в том, чтобы террористический акт стал известен, получил широкий общественный резонанс. Такой общественный резонанс порождает страх и панические настроения среди членов общества, приводит к потере доверия к власти, и в конечном итоге вызывает политическую нестабильность.

Исходя из этого, можно сделать вывод о наличии особой информационно-коммуникативной стратегии терроризма, которая и отличает его от каких-либо иных диверсионных действий. Посредством подобной стратегии террористические организации демонстрируют свою способность воздействия на органы государственной власти [1].

Как показывает практика, использование террористами информационных технологий на-

правлено не только на нанесение ущерба интересам отдельных государств, но и на расширение политического, экономического, идеологического влияния международных террористических организаций в мировом сообществе.

Развитие трансграничных электронных СМИ существенно расширяет возможности международных террористических организаций по манипулированию массовым сознанием. Такое, манипулирование, имея «мишенью» население нацеливается на изменение его сознания и поведения в выгодную для террористов сторону.

Особую озабоченность вызывает возможность использования террористами новых и нетрадиционных информационных технологий для оказания скрытого информационно-манипулятивного воздействия на сознание и деятельность людей. Так, в частности, отличительной особенностью реализации информационно-коммуникативной стратегии терроризма «Исламского государства» является активное использование возможностей глобальной сети Интернет.

«Глобальная» стратегия «ИГ», в этой сфере отличается активным использованием социальных сетей, в первую очередь, Twitter, чтобы распространять свои обращения и устанавливать контакт с потенциальными последователями по всему миру, в том числе в России, США, странах ЕС и т.д. При этом, по мнению директора ФБР США Дж. Коми, Twitter используется как канал для продажи книг, для распространения фильмов, а также для «террористического краудсорсинга» – для торговли смертью». По его словам, еще одной большой точкой исследований является привычка использовать системы шифрования «end-to-end» в передаче сообщений между ИГИЛ и членами организации, планирующими террористические атаки [3].

Относительная дешевизна, простота и доступность современных средств информации позволяют террористам проводить свои преступные акции, находясь на значительно «безопасном» расстоянии от объекта терроризма, оставаться довольно длительное время безнаказанными. При этом наносится значительный материальный и моральный ущерб обществу, государству, личности.

Как показывает практика Интернет, электронная почта, системы цифровой телефонной радиосвязи обеспечивают экстремистам не только более широкие возможности для взаимодей-

вия и пропаганды своих идей, но также для ведения информационных войн [1][12][13][14].

Все это способствует реализации другой немаловажной тенденции развития современного терроризма – **координации деятельности различных террористических группировок, расширения ареалов их функционирования и консолидации под эгидой единого террористического центра.**

В соответствии с «Глобальным рейтингом терроризма» наибольшую террористическую активность проявляют четыре организации: Исламское государство (ИГ), Боко Харам, Аль-Каида и Талибан. На их долю приходится более 66% всех смертельных исходов в результате терактов. Помимо этого существует множество других террористических групп и структур, осуществляющих свою деятельность как автономно, так и под эгидой более крупных образований, таких как Аль-Каида или же «ИГ». Примечательно, что в этот перечень не вошла, например, действующая на территории Сирии террористическая группировка «Джебхат ан-Нусра», ранее позиционировавшая свою приверженность Аль-Каиде, не отмечены в нем и египетские экстремистские подразделения «Братьев-мусульман», сомалийской «аль-Шабаб», а также многие другие террористические группировки и структуры, наиболее активно действующие в настоящее время.

В то же время, очевидно, что перечисленные выше организации, будучи автономными, тем не менее, эффективно координируют свою деятельность. Налицо, таким образом, формирование террористического интернационала, об опасности которого предупреждал еще в 2000 году Президент России В.В. Путин.

Тенденцией современного этапа развития терроризма является также стремление легитимации террора, посредством позиционирования террористических структур в качестве государственно-организованных образований.

Данная тенденция наиболее очевидно проявляется в деятельности «ИГ». Более того, она отражена даже в названии этой террористической структуры – «Исламское государство». По мнению, директора международной программы в области безопасности Университета Джорджа Мейсона О. Кронина, лидеры «ИГ» управляют вполне функциональным псевдогосударством со сложной административной структурой. Для управления подконтрольными территориями созданы своего рода «сове-

ты», в ведении которых находятся финансы, средства массовой информации, религиозные вопросы. И хотя эту структуру едва ли можно назвать образцовым правительством, каким его изображают пропагандистские видеоматериалы, данное псевдогосударство вполне дееспособно [10]. Более того, как следует из опубликованных британской газетой «Guardian» материалов, лидеры «ИГ» разрабатывают нормативные основы функционирования своих организационно-управленческих структур [4].

Ставшая достоянием гласности внутренняя инструкция «ИГ» показывает, как террористическая группировка решила строить свое государство в Ираке и Сирии. В ней излагается очень многое, начиная с контуров правительственных министерств и казначейства, и кончая экономической программой по обеспечению самодостаточности.

В полученном Guardian документе на 24 страницы изложены наметки по формированию внешних отношений, программа создания мощного пропагандистского аппарата, а также меры централизованного управления нефтяным, газовым сектором и другими жизненно важными отраслями экономики.

В инструкции, равно как и в других документах, определяющих принципы и перспективы функционирования и развития «ИГ» изложена вся подноготная устремлений его в сфере государственного строительства, а также способы, благодаря которым эта организация стала самой богатой и дестабилизирующей джихадистской группировкой за последние полвека.

Это свидетельствует о том, что «ИГ» действительно строит государство, основанное на терроризме, насилии, насаждении страха, как на подконтрольных территориях, так и в отношениях с мировым сообществом.

Все вышеперечисленные тенденции, а также динамика террористических актов свидетельствуют о том, что терроризм в 2014 – 2016 годах обрел качественно новое содержание и принципиально отличается от своих предшествующих аналогов. Главный вывод, который должен быть сделан в процессе анализа современных тенденций развития терроризма, заключается в том, что международный терроризм к настоящему времени трансформировался в глобальную проблему современных мировых политических процессов, в значительной мере определяющей перспективы дальнейшей эволюции человеческой цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бочарников И.В. Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Электронный научный журнал. Проблемы безопасности. 2013. №3 (21). С. 2-3.
2. В 2012 году экс-президент Франции Н. Саркози выступал свидетелем в деле о финансировании его предвыборной кампании в 2007 году бывшим ливийским лидером М. Каддафи http://rapsinews.ru/international_news/20150507/273677868.html#ixzz3k5Q5s.
3. ИГИЛ: революция в мире терроризма <http://camonitor.com/20377-igil-revolyuuciya-v-mire-terrorizma.html>
4. Как ИГИЛ строит свое исламское государство <http://inosmi.ru/politic/20151209/234731316.html>.
5. Ливия подсчитала количество жертв войны //РБК, 30 августа 2011 года.
6. ООН: В ходе беспорядков в Тунисе погибли 219 человек <http://www.rbc.ru/society/01/02/2011/536577.shtml>.
7. Овсянникова О.А. Технологии реформирования общественного сознания посредством языковой и конфессиональной дискриминации (на примере Украины) // Конфликтология / nota bene. – 2015. – № 4. – С.424-429.
8. Переписка Хиллари Клинтон пролила свет на планы по расколу Ливии <http://maxpark.com/community/5392/content/3486414>.
9. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ. Информационно-аналитический вестник. №4 –М.: РЭУ имени Г.В.Плеханова, 2015.
10. Экспансия террора: откуда есть пошел ИГИЛ ваххабитский http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201512180901-vily.htm.
11. The Global Terrorism Index 2015 http://static.visionofhumanity.org/sites/default/files/2015Report_2.pdf
12. Манойло А.В. Сирийский тупик «Арабской весны». // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. №6. С. 49-56.
13. Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность / nota bene. 2012. № 3. С. 76-81.
14. Манойло А.В. Парадигмы управления международными конфликтами: конкуренция или конфронтация. // Национальная безопасность / nota bene. 2011. № 5. С. 135-142.
15. Филиппов В.Р. Советская теория этноса. Историографический очерк. М., 2010. 214 с.
16. Арямова А.Д. Практическая реализация технологий цветных революций в Украине в 2004 и 2014 гг.: сравнительный анализ // Международные отношения. – 2015. – 4. – С. 439 – 442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
17. Кузнецов И.И. Влияние демонстрационных эффектов на становление политических институтов // Международные отношения. – 2015. – 4. – С. 412 – 425. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17162.
18. Ласария А.О. Особенности этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // Международные отношения. – 2015. – 1. – С. 75 – 77. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.1.13507.
19. Гушер А.И. Экспертная оценка политико-экономической ситуации в Украине // Международные отношения. – 2014. – 3. – С. 326 – 331. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.11815.
20. Манойло А.В. «Русская весна» vs «Арабской весны»: роль России в урегулировании сирийского конфликта // Право и политика. – 2016. – 1. – С. 83 – 96. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.1.16955.
21. Бородинов Е.Н. Причины и следствия государственного переворота на Украине // Мировая политика. – 2014. – 3. – С. 36 – 59. DOI: 10.7256/2409-8671.2014.3.11501. URL: http://www.enotabene.ru/wi/article_11501.html
22. Федякин И.В. Мегалополисы как субъекты политики: история и современное состояние // Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 88 – 93. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10165.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bocharnikov I.V. Informatsionnoe protivodeistvie terrorizmu v sovremennykh usloviyakh // Elektronnyi nauchnyi zhurnal. Problemy bezopasnosti. 2013. №3 (21). S. 2-3.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

2. V 2012 godu eks-prezident Frantsii N. Sarkozy vystupal svidetelem v dele o finansirovanii ego predvybornoi kampanii v 2007 godu byvshim liviiskim liderom M. Kaddafi http://rapsinews.ru/international_news/20150507/273677868.html#ixzz3k5Q5s.
3. IGIL: revolyutsiya v mire terrorizma <http://camonitor.com/20377-igil-revolyuciya-v-mire-terrorizma.html>
4. Kak IGIL stroit svoe islamskoe gosudarstvo <http://inosmi.ru/politic/20151209/234731316.html>.
5. Liviya podschitala kolichestvo zhertv voyny //RBK, 30 avgusta 2011 goda.
6. OON: V khode besporyadkov v Tunise pogibli 219 chelovek <http://www.rbc.ru/society/01/02/2011/536577.shtml>.
7. Ovsyannikova O.A. Tekhnologii pereformatirovaniya obshchestvennogo soznaniya posredstvom yazykovo i konfessional'noi diskriminatsii (na primere Ukrainy) // Konfliktologiya / nota bene. – 2015. – № 4. – S.424-429.
8. Perepiska Khillari Klinton pro lila svetna plan yporaskolu Livii <http://maxpark.com/community/5392/content/3486414>.
9. Siriiskii geopoliticheskii izlom. Rol' Rossii v neutralizatsii terroristicheskoi ugrozy IG. Informatsionno-analiticheskii vestnik. №4 –M.: REU imeni G.V.Plekhanova, 2015.
10. Ekspansiya terrora: otkuda est' poshel IGIL vakhkhabitskii http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201512180901-vily.htm.
11. The Global Terrorism Index 2015 http://static.visionofhumanity.org/sites/default/files/2015Report_2.pdf
12. Manoilo A.V. Siriiskii tupik «Arabskoi vesny». // Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2013. №6. S. 49-56.
13. Manoilo A.V. Interesy vneshnei politiki SShA v Afganistane. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2012. № 3. S. 76-81.
14. Manoilo A.V. Paradigmy upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami: konkurentsiya ili konfrontatsiya. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2011. № 5. S. 135-142.
15. Filippov V.R. Sovetskaya teoriya etnosa. Istoriograficheskii ocherk. M., 2010. 214 s.
16. Aryamova A.D. Prakticheskaya realizatsiya tekhnologii tsvetnykh revolyutsii v Ukraine v 2004 i 2014 gg.: sravnitel'nyi analiz // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 4. – С. 439 – 442. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17179.
17. Kuznetsov I.I. Vliyanie demonstratsionnykh effektov na stanovlenie politicheskikh institutov // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 4. – С. 412 – 425. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.4.17162.
18. Lasariya A.O. Osobennosti etnopoliticheskikh konfliktov na postsovetskom prostranstve // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – 1. – С. 75 – 77. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.1.13507.
19. Gusher A.I. Ekspertnaya otsenka politiko-ekonomicheskoi situatsii v Ukraine // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 3. – С. 326 – 331. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.11815.
20. Manoilo A.V. «Russkaya vesna» vs «Arabskoi vesny»: rol' Rossii v uregulirovanii siriiskogo konflikta // Pravo i politika. – 2016. – 1. – С. 83 – 96. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.1.16955.
21. Borodinov E.N. Prichiny i sledstviya gosudarstvennogo perevorota na Ukraine // Mirovaya politika. – 2014. – 3. – С. 36 – 59. DOI: 10.7256/2409-8671.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
22. Fedyakin I.V. Megapolisy kak sub"ekty politiki: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – С. 88 – 93. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10165.